

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Р. ГАМЗАТОВА

**ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

*Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием*

*Махачкала
24 октября 2024 года*

Махачкала
2024

УДК 81+372.881.161.1+372.882

ББК 81; 74.268.1Рус

Д 44

Печатается по решению научно-экспертного совета Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова (протокол № 1 от 05.12.2024 рег. № 1)

Редакционная коллегия

Р. Ш. Халидова (отв. редактор), А. Г. Абдурахманова, Г. И. Алиомарова, Л. Б. Амирханова, Н. М. Эльдарова.

Рецензенты

Дибиров Ибрагим Ашрапудинович, доктор филологических наук, профессор, проректор по учебно-методической работе, ДГПУ им. Р. Гамзатова;

Мадиева Заира Зайнутдиновна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий сектором русского языка и литературы ДНИИП им. А. А. Тахо-Годи.

Д44 Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Махачкала, 24 октября 2024 года. – Махачкала: ФОРМАТ, 2024. – 306 с.

В сборник вошли материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты». В статьях обсуждаются возможности и перспективы обучения русскому языку как родному и неродному, инновационные и традиционные методы, приемы и формы работы на занятиях по русскому языку, особенности функционирования русского языка в полиэтнических регионах России, а также в зарубежных странах, проблемы теории и методики РКИ.

Издание адресовано работникам научных и образовательных организаций, студентам и аспирантам.

ISBN 978-5-907837-95-9

© ДГПУ им. Р. Гамзатова, 2024

© Авторы статей, 2024

© Оформление. ИП Тагиев Р. Х., 2024

Хмелевский Михаил Сергеевич,
канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, chmelevskij@mail.ru
Кузнецова Ирина Владимировна,
канд. филол. наук, доцент,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
Чебоксары, Россия, irinak47@yandex.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНАХ БАЛТИИ

Аннотация. В статье представлен иллюстративный обзор современного функционирования русского языка в объективном прагматическо-коммуникативном аспекте его реализации в странах Балтии (Литва, Латвия). Затрагиваются основные позиции балто-славянской этноязыковой конгруэнции в рамках исторически обусловленного полиэтнического взаимодействия.

Ключевые слова: анклавный язык, русский язык, литовский язык, латышский язык, межъязыковая конвергенция, интерференция

Актуальное положение и функционирование русского языка на постсоветском пространстве до сих пор остается неоднозначным. С одной стороны, мы постоянно сталкиваемся со стереотипным представлением о притеснении русскоязычного населения в странах Балтии, с другой — реальная действительность во многом доказывает обратное, а именно — использование русского языка в качестве средства повседневного, в том числе и межнационального общения: полиязычная столица Литвы — г. Вильнюс, литовско-русскоязычная Клайпеда, русскоязычный Висагинас (Литва), латышско-русскоязычная столица Латвии — г. Рига (с преобладанием русскоязычия), по сути преимущественно русскоязычные Даугавпилс, Лиепая, Вентспилс (Латвия) [3, с. 110; 8, с. 63]. В основном русскоязычное население в той или иной степени владеет национальными языками, однако в бытовом непри-

нужденном общении пользуется родным — русским, как правило, в своем анклавном просторечном варианте, что создает общее впечатление о «русскоязычности» вышеперечисленных крупных городов стран Балтии, где число русскоязычного населения зачастую доходит до сопоставимого в процентном соотношении с коренными жителями этих стран, а нередко и превосходит его.

Так, русские, длительное время проживающие в Латвии, довольно редко вступают контакты с коренным населением и живут обособленно: в Риге и других латвийских городах действуют русскоязычные школы, православные церкви, русские театры, организации и сообщества для многочисленной русской диаспоры. И если на административном уровне латышский язык закреплен в качестве государственного, то русские в большинстве своем не овладевают или слабо овладевают им, сохраняя при этом определенную отстраненность от коренного народа, т. е. латышей, общественно и социально обособленно от них, в большинстве своем, как правило, абсолютно не интересуясь и не зная латышскую культуру, литературу, историю, народные традиции, включая язык [4, с. 68].

Совершенно иную этнокультурную и языковую ситуацию мы наблюдаем в современной соседней Литве, где коренные жители в процентном соотношении численно превосходят другие народы (русских, белорусов, поляков, караимов). Однако в отличие от Латвии русские, долгое время проживающие в Литве, довольно активно вливаются в общественную, социальную и культурную жизнь национального большинства страны, овладевают литовским языком и зачастую даже «литуанизируются», т. е. идентифицируют себя с литовцами, но русского происхождения. В данном случае можно говорить о факте ассимиляции русских (в особенности молодого поколения) в литовском этническом пространстве, т. е. переход русских на литовский язык даже в повседневном бытовом общении, перенимание традиций и культуры литовцев, которая воспринимается ими как родная [2, с. 29]. В этом видится существенное отличие литовской этнокультурной и языковой ситуации от ситуации в Латвии, где русские сосуществуют с коренным населением как два обособленных

этноса и редко «растворяются» друг в друге, тогда как в Литве второе или третье поколение выходцев из России ассоциирует себя уже частью литовского этноса, порой даже забывая свой родной язык или говоря по-русски с литовским фонетическим акцентом и с ярко выраженной русско-литовской языковой интерференцией. Зачастую им проще пользоваться литовским языком в повседневном общении, даже в кругу членов русскоязычной семьи или даже с собеседниками, выходцами из России, что во многом обусловлено языковой средой их внешней коммуникации (литовские детсады, средние школы, система высшего образования, места трудоустройства с преобладающим числом литовскоязычных занятых, круг повседневного общения и т. п.).

Этим объясняется государственная языковая политика стран Балтии — толерантное отношение литовцев к русским и другим национальностям, легко воспринимающим, принимающим и впитывающим местные устои, в том числе и язык, и даже меняющим свою этническую самоидентификацию, зачастую утрачивая связи с Россией, русской нацией и культурой, тогда как в Латвии русские традиционно живут обособленно внутри латвийского этнического пространства, сосуществуя параллельно, но не пересекаясь в социокультурном смысле.

В Литве ассимиляция русского населения достаточно сильна, она касается прежде всего перехода с родного языка на литовский даже в повседневном общении и даже внутри одной семьи, с восприятием Литвы уже как родины, а России — как чего-то далекого, чужого и неродного.

Среди черт русско-литовской интерференции и литовских лексических вкраплений (зачастую реалий) в языке русскоязычных, проживающих в Литве, можно отметить следующие:

– лексико-семантические особенности, а именно вставки литовских реалий в русскую речь: названий национальных блюд (*сегодня приготовим шалти барцай* — букв. «холодные борщи», *она отлично готовит кастинис, хочу сделать марчос салат*), названий учреждений (*сходи завтра в савивальдибе* — букв. «местное самоуправле-

ние», я зарегистрировался в Содре — название пенсионного фонда Литвы, откликнулась только партия таутининков, где *tautininkas* — «патриот»);

– образование формы слов под влиянием системы литовской грамматики (*надо купить цеппелинай; где наши макаронай?* (-ai — окончание мн. ч.), или лексики, например: *она настоящая карве* — «корова» (более частотное в литовском, чем в русском, употребление по отношению к глупой женщине);

– семантические процессы, связанные с активизацией явления расширения семантической структуры слова, актуализации его второстепенных значений и историзмов (*сейм принял решение* — название парламента Литвы, *городская управа столицы* — буквальный перевод литовского названия), терминологизация слов (*тебе дали нашалпу на ребенка* — букв. денежное пособие, *Антстолис уже подписал документ* — судебный пристав, *завтра у нас искайта в девять* — зачет, *работать на пол-этата* — на полставки), изменение коннотаций (*учительница, скажите, пожалуйста* — литовское обращение к говорящему по его профессии вместо обращения по имени и отчеству);

– грамматические сдвиги и ослабление синтаксических правил, частотное проявление стремления к аналитизму (*я был пришел* — калька из литовского, где с помощью такой конструкции образуется прошедшее время), почти полная утрата или расшатанность склонения числительных (*с сорок пяти люди, без уже семь минут восемь и т. п.*).

– значительная частотность просторечных форм, которые не воспринимаются таковыми (формы *я взяла, я брала* с ударением на первом слоге), формы глаголов *ложить, плотят*, местоимения *ихний, евоный*, императивы *едь!, ехай!* и др.).

Отдельного внимания заслуживает языковая ситуация столицы Литвы с полумиллионным, но столь разнообразным населением — город Вильнюс, который по праву заслуживает метафорического названия «Литовский Вавилон» [8, с. 65]. В вильнюсском крае и в самом Вильнюсе слились многовековые исторически обусловлен-

ные и неразрывно связанные между собой различные народы, культуры, традиции и, как следствие, языковая полифония. Помимо преобладающего литовского языка здесь можно легко быть понятым, говоря на русском языке, также на улицах Вильнюса повсеместно звучит польский в его диалектном варианте, нередко можно услышать и белорусский язык, т. к. испокон веков белорусы проживают в Вильнюсе, сохраняя и используя свой родной язык в бытовом общении [2, с. 118]. В продолжение нельзя также не упомянуть и караимов, которые в эпоху правления литовского князя Витовта (XV в.) компактно проживают в одном из районов Вильнюса и до сих пор сохранили и употребляют свой родной караимский язык в повседневном общении между собой. При этом следует отметить, что все эти народы, толерантно проживающие в Вильнюсе, в действительности являются абсолютными билингвами, т. е. свободно владеют как своим родным, так и литовским языками, порой являясь полилингвами, т. е. в зависимости от языковой экстралингвистической ситуации способны переходить на несколько языков: белорусский-литовский-русский, польский-литовский-русский, караимский-литовский-русский [8, с. 65].

Однако, с другой стороны, как бы стереотипно не представлялись носителям славянского менталитета схожесть и однотипность двух соседних балтийских стран — Литвы и Латвии, углубляясь в историческую, политическую, религиозную, а также языковую, культурологическую ситуацию, мы найдем больше различий, чем общих черт. Между русскими и латышами с древних времен существовали интенсивные экономические, культурные и политические связи, в особенности с западнославянскими племенами — кривичами (территории современной Псковской и Новгородской областей), ввиду чего в современном латышском языке этноним *русский* по отношению ко всем русским звучит как *krievs*.

В отличие от Литвы (т. е. исторически Великого Княжества Литовского (XV–XVII вв.), распространившегося от Балтийского вплоть до Черного моря), на территории современной Латвии с начала XIII в. проживало довольно большое количество немцев, длительное время

составляющих классовую вершину общества. И если литовская аристократия в официальном общении, а также в юридической документации пользовалась древнерусским языком в его западновосточнославянском варианте (сегодня в белорусистике именуемым как древнебелорусский), то на территории современной Латвии (исторически — Курляндии) в качестве литературных языков и языков официально-административного общения выступали немецкий и русский как результат сосуществования на одной территории носителей немецко-русско-латышского трехязычия или каждого из этих языков в отдельности. При этом стоит отметить, что немецкий язык был господствующим в культурной и экономической сферах общества. Жившие в городах латыши и русские занимали более низкое и бесправное положение, чем немцы [6, с. 53]. Естественно, что в таких условиях именно немецкий язык оказывал сильное влияние на речь местного населения, насыщенную германизмами.

При этом если говорить в целом о территории Латвии, то ещё до присоединения к Российской империи русское население, исконно проживавшее в Латвии, пополняли как еретики из Пскова и Новгорода, беглые крестьяне и ремесленники, так и старообрядцы, староверы, скрывавшиеся за пределами Русского государства, преследуемые властями, что не могло не оказать влияние на современное этническое и языковое состояние [5, с. 18].

В русской речи, звучащей на территории современной Латвии, по данным Р. И. Аванесова, наблюдаются черты древних среднерусских говоров, которые объединяются под условным названием «Псковская группа», как, например: изменение сочетания *дн* в двойное *н*: *последнее, онную, в занней*; формы творительного падежа множественного числа с окончанием *-ам*: *под рукам, с рукам, с ногам; с дуракам нечего толковать*; употребление деепричастия в роли сказуемого: *мы уже пообедалиши; я уж умылиши; они между собой побранилиши*; твёрдое произношение [ч] и шипящих: *жырный, чыстый, шыло, щы*; характерное для псковских говоров цоканье: *цо, цетыре*; формы именительного падежа множественного числа имён существительных

мужского рода с окончанием *-и (-ы)* вместо *-á*: *глаз — гла́зы, рог — ро́ги* [1, с. 233].

В настоящее время в крупных городах Латвии важнейшие социолингвистические функции в повседневном общении выполняют латышский и русский языки. Исследователи Латвийского Университета считают, что демографический статус этих языков относительно равен, с небольшим перевесом в сторону латышского, который имеет более престижный политический статус.

Русские, проживавшие в Латвии, за годы восстановленной независимости после 1991 г., в отличие от других этнических меньшинств, смогли создать на основе своего родного языка социально-культурную инфраструктуру. На русском языке, вопреки общим представлениям о запрете русского языка, до сих пор функционирует старейший за пределами России Рижский русский драматический театр им. М. Чехова, издаются газеты на русском языке, публикуются научные труды, проводятся русскоязычные культурные мероприятия и т. д. Русский язык выступает средством ассимиляции значительной части представителей других этнических меньшинств, проживающих в Латвии, что и формирует такое явление, как «русскоязычное население» [4, с. 71].

Языковые контакты и функционирование русского языка как языка возрастающей этнической группы в современной Латвии привели к формированию особого местного варианта русского языка, или этнолекта внутри иноязычного и культурного. В этом смысле выделим два подварианта функционирования русского языка во внеславянском, но культурно и исторически обоснованном пространстве: 1) русское городское просторечие в иноязычном окружении с яркими просторечно-диалектными особенностями. Этот разговорный русский язык широко используется местным населением при общении «со своими», то есть с людьми, которые также владеют латышским языком, знакомы с местными социокультурными особенностями и способны без затруднений понять смысл иноязычных вкраплений в речь; 2) русский литературный язык, лежащий в основе другой раз-

новидности регионального варианта русского языка, используется при общении с «чужими» русскими.

Современный язык русских, проживающих длительное время в Латвии, вряд ли можно назвать эталоном литературного языка, поскольку он насыщен (а порой даже перенасыщен) кальками, лексическими вставками, обозначающими местные реалии, а также следами языковой русско-латышской интерференции [7, с. 71]. Среди последних в языке русскоязычных жителей крупных городов Латвии можно выделить следующие аспекты:

– лексические кальки из латышского языка, например: *шаусмас* (лат. *šausmas* — 'ужас', *цидония* (лат. *cidonija* — 'айва'), *ринда* (лат. *rinda* — 'очередь'), *дебилс* (лат. *debīls* — 'дебил') и др.;

– производные кальки, т. е. слова и выражения, составленные по моделям словообразования донорского языка с использованием инструментов и методов рецепторного языка, например: *вырегистриваться* (лат. *izreģistrēties* — 'сняться с регистрации'), *отзвонить* (лат. *atzvanīt* — 'перезвонить'), *провокативный* (лат. *provokatīvs* — 'провокационный');

– семантические кальки, т. е. когда значение слова из неродного языка переносится в родной, но не является нормативным. Так в рецепторном языке формируются производные значения, например: *проехать кусок* (лат. *braukt gabalu* — 'проехать часть, отрезок, кусок'), *новый ученый* (лат. *jauns zinātnieks* — 'молодой ученый'), *мыть зубы* (лат. *mazgāt zobus* — 'чистить зубы') и т. п.;

– свободные синтаксические конструкции в рецепторном языке (т. е. русском языке жителей Латвии под влиянием языковой интерференции) функционируют в виде чуждых синтаксических конструкций, что проявляется в построении фраз, формирующихся по моделям языка-донора (т. е. латышского), например, *мне сегодня день рождения* (букв. лат. *man šodien ir dzimšanas diena* — вм. 'у меня сегодня день рождения'; *мне болит голова* (букв. лат. *man sāp galva* — вм. 'у меня болит голова').

Итак, в настоящей статье был представлен объективный и актуальный краткий обзор функционирования русского языка

в двух странах Балтии с лингвистической, экстралингвистической и культурологической точек зрения вследствие, как факт, тесного взаимодействия народов общего исторического пространства. Рассмотренный вопрос может послужить дополнением к описанию общей картины языковой ситуации в странах бывшего СССР, а также в национальных республиках современной России.

Литература

1. Аванесов, Р. И. Очерки русской диалектологии. – М. : Учпедгиз, 1949. – 335 с.
2. Авина, Н. Ю. Родной язык в иноязычном окружении. – Москва – Вильнюс : Элпис, 2016. – 315 с.
3. Белоусов, В. Н. О перспективах функционирования русского языка в культурном пространстве СНГ и Балтии // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 109–113.
4. Волков, В. В. «Русская община» как способ политической самоидентификации русских в Латвии // ПОЛИТЭКС. – 2008. – № 2. – С. 63–79.
5. Заварина, А. А. Русское население Латвии (к истории поселения) // Русские в Латвии. Вып. 3. – Рига : Веди, 2003. – С. 10–47.
6. Раина, О. В. Поляки в Латвийской Республике как позитивный пример взаимопроникновения культур // Этническая культура. – 2019. – № 1. – С. 52–54.
7. Филей, А. В. Проблемы билингвизма и обзор социолингвистической ситуации в Латвии // Социо- и психоллингвистические исследования. – Пермь: ПГУ, 2014. – С. 69–83.
8. Хмелевский, М. С. Современная языковая ситуация в Литве как пример полилингвизма и межнациональной толерантности // Русский язык в условиях би- и полилингвизма. – Чебоксары : ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2021. – С. 62–66.

Научное издание

ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
Махачкала, 24 октября 2024 года*

Редактор *Н. Эльдарова*

Подготовка оригинал-макета *Г. Рагимова*

Подписано в печать 05.12.2024

Формат 60x84 1/16. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 19,1. Заказ № 153-24. Тир. 100 экз. Отпеч. в тип. ИП Тагиева Р.Х.
г.Махачкала, ул. Батырая, 149. Тел.: 8 928 048 10 45

“ **Ф О Р М А Т** ”